

Роман Вершилло

После смерти модернизма

04/09/24

Аннотация

В эссе подвергнуты анализу понятия МОДЕРНИЗМ и СМЕРТЬ МОДЕРНИЗМА. Совместными усилиями исследователей понятие МОДЕРНИЗМ на данный момент достаточно определено. Это произошло как раз тогда, когда православный модернизм сыграл свою историческую роль в разрушении Церкви. В статье выдвинуто положение о том, что новый исторический период лучше всего описывает такое понятие, как СМЕРТЬ МОДЕРНИЗМА. Поводом стали два вопроса читателя сайта Антимодернизм.

Вопросы читателя

Возникают вопросы насчет следующего этапа после отмирания классического модернизма.

Будет ли это что-то более анархичное и беспринципное, если учесть, что идеи классического модернизма не сработали?

Какие есть способы опровержения священников-клоунов, наподобие отца Павла Островского?

Как нам понять модернистов?

Для начала я бы соединил эти два вопроса в один: Как нам понять модернистов?

И сразу возникают дальнейшие вопросы: Почему это нужно? Почему это так сложно? Почему иногда это невозможно?

Собственно, ответ на все вопросы один: потому что модернисты – люди.

Человек может понять человека, потому что *все люди одинаковые и среди них нет иностранцев*, по выражению одного французского писателя. То

есть нет никакой трудности понять другого человека, пока один из людей не совершает преступление.

В этом случае нужно расследовать преступление. Тут мы сталкиваемся с тем противоречием, что успешно поймать преступника можно, только поняв его, став таким же, как он, но именно это запрещено христианам.

Рис. 1. Каин убивает Авеля.

Это означает, что модернизм могут победить только сверхмодернисты, если так можно выразиться. К примеру, идеологов лучше всего разоблачил идеолог высшего разряда по фамилии Ницше.

Я обращаю внимание на то, что существует огромный, прямой соблазн успеха, и ему многие уступают. Слишком многие христиане ограничиваются борьбой за власть в Церкви, идут путем компромисса и лжемиссии.

Антимодернистов не напрасно все время обвиняют в модернизме. В этом есть предупреждение: разоблачить преступника может только тот, кто таков же, как он. Где познание, там – опасность.

Значит, нам надо соблюсти и то, и другое: разоблачить преступление, не становясь преступниками.

Как этого достичь? Надо определенным образом отделиться от предмета, чтобы увидеть его и понять.

Об этом говорит завет свт. Игнатия (Брянчанинова):

К положению Церкви должно мирствовать, хотя вместе должно и понимать его. Это – поущение Свыше, которого мы понять не можем. Старец Исаия говорил мне: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено в частности спасаться людям, желающим спастись».[1, С. 769].

Ощутить движение времени

Цель нашего сайта, цель исследований, которые там публикуются, состоит в том, чтобы дать читателю ощутить движение времени. Нет, не прогресс человечества, окрашенный радужными надеждами на самосовершенствование, и даже не регресс, когда мы рассчитываем увидеть дальше *что-то более анархичное и беспринципное*. Нам нужно понять время не для того, чтобы двигаться вместе с ним, и не для того, чтобы им овладеть.

Каждый человек – историк, изучающий настоящее время, а это, пожалуй, труднее, чем исследовать прошлое.

Трудно понять свое время.

Вот и сейчас, в 2024 году, можно установить, что закончилась огромная эпоха в 150 (и больше) лет, эпоха великих идеологий.

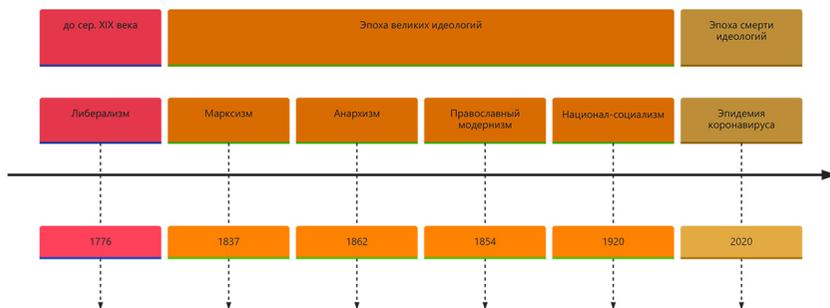

Рис. 2. Эпоха идеологий.

В XVIII веке, до эпохи великих идеологий, было трудно поверить, что государства будут иметь такую власть над умами, какую они имели в XX веке.

Полтора-два столетия люди жили и мыслили не своим умом, а как их учили идеологии, в том числе православный модернизм.

Теперь наступает эпоха смерти идеологий, а мы все еще мыслим себя современниками прошлой эпохи. Поэтому нам трудно представить, как люди смогут жить и мыслить без идеологического руководства, когда каждый сможет выбрать себе учителей по вкусу, выражать приверженность любым символам и придавать им любое значение.

Поколения православных

Как же мы справляемся со своей задачей: Понять время?

Сменяют друг друга поколения, где есть отцы и есть дети. Ученики учатся учителей, и потом сами становятся ими.

Мы понимаем только то, что нам объяснили наши наставники, Святые древние и новые, подвижники благочестия XX века. Без них мы бы не знали даже на что посмотреть. Их объяснения избыточно полны, слишком сложны для нас. Мы не все в них понимаем. Поэтому не надо вздыхать о том, что сейчас с нами нет св. Иоанна Кронштадтского, который нам бы все объяснил про наше время и наше положение. Он уже это сделал.

Вот православное преемство:

- Свт. Игнатий, св. Феофан Затворник, св. Иоанн Кронштадтский;
- затем старец Нектарий Оптинский, сщмч. Виктор Глазовский, св. Серафим (Соболев), архиеп. Феофан Полтавский.
- Следующее поколение: архиеп. Аверкий (Таушев), о. Серафим (Роуз), о. Стефан Красовицкий, о. Александр Шаргунов, о. Рафаил (Карелин).
- Потом уже наше поколение, понимающее лишь часть из дошедшего до нас.

Что нам дает картина течения времени?

Она позволяет понять, в чем состоит православный образ жизни. Этот образ жизни состоит в непрестанном предстоянии пред Богом.

Хотя наш образ жизни обнимает собой все жителство христианское, он же предполагает ограниченность задачи каждого человека и каждого поколения.

Православный образ жизни совмещает в себе совершенство и несовершенство так, что совершенство содержится в Божественных к нам вопросах, бесконечно страшных и невозможных для разрешения. С другой, с человеческой стороны, звучат несовершенные ответы, которые бывают совершенными только по благодати.

Каждому поколению православных свои, и они же – вечные, задачи. У каждого поколения – свои достижения, если выразиться в рифму. Но это не достижения в прямом смысле, как в спорте, не открытие нового, как в науке, а исполнение долга: «Течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4:7).

Бог проводит человечество и, прежде всего, Церковь через цепь испытаний, проверяет, предстоит ли человек пред Богом.

Мы учимся у мастеров

Вернемся к линии православного преемства. Мы приняли решения вечных вопросов от Отцов. Никто не самостоятелен, и в этом нет ничего обидного.

Мы учимся у предшествующих отцов, как подмастерья у мастеров. Прежде всего, мы видим, что они отвечают, а не уклоняются от ответа. Мы слышим, как и что они отвечают, понимаем их ответы, не забываем о них. Так мы узнаём, на что надо обращать внимание, к чему надо проявлять интерес, а о чем заботиться не следует.

Особенность нашего поколения, если она есть, состоит в том, что нам довелось учиться не только у отцов, но и у их отцов. По историческим причинам к нам пришли едва ли не одновременно: о. Александр Шаргунов и архиеп. Феофан Полтавский.

Вспомним моменты, когда на памяти нашего поколения (по пословице, *каждого гнетет своя ноша*), прозвучали вопросы, заслуживающие ответа:

Перестройка

1991 – распад СССР.

1993 – расстрел Российского парламента в Москве.

2014 – Русская весна.

2020 – коронавирус.

2022 – СВО.

В промежутках возникали и другие вопросы, как кому Бог пошлет.

Каждый такой вопрос был решающим, окончательным экзаменом, который пересдать уже нельзя.

К чему я все это припомнил? К тому, что отвечать на вопрос: что будет после смерти модернизма и смерти идеологий в многополярном мире, – предстоит уже не нам, а следующему поколению православных. Даже если мы захотим, то не сможем за них ответить, потому что он уже не к нам обращен. В этом нет нашего поражения, если мы в свое время правильно ответили на вопросы, заданные нашему поколению. Значит, мы оставили тем, кто после нас, примеры, как и о чем рассуждать.

Поколения модернистов

Рядом с этой православной, правильной историей течет иной поток, в котором сменяются поколения модернистов.

Сначала – неопределенно долгое время **предтеч**, начиная с каббалы, средневековых ересей. Потом протестантизм, оккультизм XVI-XVII веков

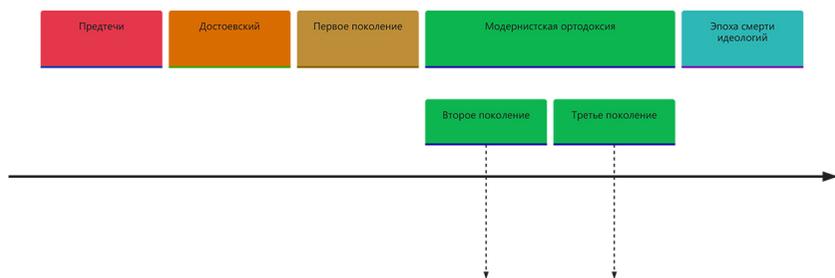

Рис. 3. История православного модернизма.

и его переплетение с зарождающейся массовой наукой. Наконец, в конце XVII века возникает первая идеология: масонство.

К XIX веку задача модернизма сужается, становится конкретной и достижимой. Теперь она сводится к уничтожению Православия, а заодно и православной империи. Католический модернизм в лице Чаадаева, затем полурусское, полунемецкое славянофильство, революционно-религиозные кружки, из которых выходит **Достоевский**: великий гностик и основатель православного модернизма.

В начале XX века приходят модернисты **первого поколения**, дети Толстого и Достоевского. Они – люди еще полусветские, стоящие одной ногой вне Церкви, как о. Флоренский или Бердяев. Их объединяет с предтечами – тема «России».

Второе поколение особенно пышно расцвело в эмиграции. Здесь мы уже встречаем людей полностью церковных по воспитанию, привычкам и месту службы. Тема «России» у них почти полностью заслоняется темой «Церкви», как организации, альтернативной Церкви. Подменная Церковь ими же и создается, более-менее успешно: оо. Шмеманом, Шпиллером, митр. Никодимом и др.

Модернизм второго поколения стал «классическим» потому что был канонизирован модернистской ортодоксией **третьего поколения** модернистов,[3] вышедших из той же гностической грязи. На этом этапе тема «России» уже ничего не значила и стала всего лишь поводом для беспочвенных фантазий А. Дугина, М. Назарова и им подобных.

Так мы в нашем описании пришли к современности.

И вот, как ни всматривайся, а не видно, чтобы за третьим поколением шло четвертое. Нет крупных фигур, нет новых ложных направлений и идей. Ну, не считать же значительной фигурой о. Антония Борисова, о. Савву (Мажуко), или забавы священника А. Волчкова с Лаканом и Делёзом...

Мы сказали, что мы понимаем лишь немного из того, что дошло до нас от наших наставников. Теперь наблюдение за сменой модернистских поколений показывает, что с нас достаточно и этого. Каждому поколению православных Бог дает противников по силе, чтобы мы с ними *упражнялись*, по слову блж. Августина:

Все враги Церкви, каким бы заблуждением и какой бы злобой они ни были ослеплены и развращены, если получают власть вредить ей телесно, упражняют ее терпение, а если являются ей противниками только по своему образу мыслей, упражняют ее мудрость.[2, С. 85]

Почему мы можем это понять?

Откуда мы все это знаем про модернистов? Почему мы вообще различаем модернизм на общем фоне смешения?

Потому что одни и те же вопросы звучат для всех в одно и то же время. Православные отвечают верно и вовремя. На те же вопросы модернисты всех поколений отказывались и отказываются давать ответ, отвечают невпопад, или дают неправильные ответы, потому что боятся ответить верно.

Модернисты имеют свои причины для того, чтобы уходить от ответа. У них есть свой интерес, точнее, интересы: несущественные, низкие.

Они не только видят, как меняется мир (это видят и православные), но и следуют за ними, позволяя проникать в Церковь массовой политике, науке, культуре.

За это Бог лишает их разума, поэтому модернизм, победив в Церкви, потерпел поражение.

Каковы способы опровержения священников-клоунов?

Начнем с того, что МОДЕРНИЗМ и СМЕРТЬ МОДЕРНИЗМА – это понятия. Они нужны, как инструменты, они нужны для упражнения, в конце концов, для проверки того, любим ли мы истину более всего.

Под руководством предшествовавших нам отцов, мы сначала потрудились над тем, чтобы образовать эти понятия. Мы отметили для себя ту особенность, что в данном случае нам нужны:

- ясные понятия о неясном (модернизм принципиально неясен, симулирует Православие);
- точные понятия о том, что избегает всякой точности;
- истинные понятия о том, что является смешением истины и лжи.
- Нам надо судить нравственно о безнравственном, церковно о нецерковном.

То, что модернизм умер, означает только то, что понятие МОДЕРНИЗМ сыграло свою роль. Наши отцы и мы вслед за ними увидели модернизм, описали его, уточнили возникшие неясности, утвердили границы и структуру понятия.

Теперь понятие выполнило свое назначение, объяснив происходящее, но модернисты от этого не испарились. Приведу аналогию с вирусами. Нельзя победить коронавирус, в смысле полностью его уничтожить. Он будет с нами до конца света. Но эпидемия 2020-2021 гг. больше не повторится.

Итак, следующему поколению православных придется бороться с другим «модернизмом». Вместо него появилось нечто новое, заслуживающее нового понятия. Что это за понятие, и почему его так трудно составить?

Дело в том, что познаваемо только общее, лицо же не поддается пониманию. У лица есть только имя и число. Что я имею ввиду?

Конечно, о. Павел Островский – клоун, но даже в этом качестве нельзя определить: хороший ли он клоун, где учился клоунаде и хорошо ли ей овладел в цирковом училище.

Разумеется, о Павел Великанов или митр. Афанасий Лимассольский – атеисты. Но, вместе с тем, они не члены атеистических обществ, не изучали научный атеизм и не имеют наставников из среды профессиональных атеистов. Мы даже не можем сказать: хорошо ли они научились атеизму, верно ли излагают его учение, и стремятся ли передать его ученикам в том же виде, в каком его приняли. Как и в случае со священниками-клоунами и комиками, нельзя определить: они атеисты – отличники или двоечники.

Лицо не поддается опровержению: оно существует несмотря ни на что. В этом, собственно, и состояло грандиозное (по масштабам гнозиса) открытие Достоевского. Зло не существует, но существует злодей. Освоение этой истины в гностическом, антихристианском ключе стало возможным только в Новое время, открыв путь к сатанизму.

Вот с какими переменами придется иметь дело в обозримом настоящем.

С клоунами бороться сложно

Поэтому с клоунами бороться, с одной стороны, сложно. Лично понять их невозможно, но можно понять кое-что из того, что вокруг них.

Для этого требуется большой аппарат понятий и набор приемов. Одного понятия МОДЕРНИЗМ теперь уже недостаточно. Об этом нас предупреждало появление в начале 2000-х таких течений, как лжемиссия, социальное христианство.

Теперь будут нужны такие понятия, которые бы вывели нас на борьбу с модернистом один на один. Они есть, и мы их разрабатывали на нашем сайте, хотя они не были главной темой.

Лукавое и половинчатое опровержение не поможет. Антимодернистам, типа о. Георгия Максимова, просто нечего ответить на клоунаду. Им остается участвовать в ней, но только с серьезным лицом.

С клоунами бороться не нужно

С другой стороны, с клоунами бороться не нужно. Комик сам себя опроверг и осмеял, развратился и грешит, будучи самоосужден (Тит. 3:11).

Как же так? Неужели наше поколение оставляет после себя завет: не бороться с модернистами?

Вернемся к мысли о православном образе жизни.

Из Святых отцов, и древних, и новых, мы знаем, что у нас нет задачи победить модернизм. Нам надо сохранить веру.

У нас нет следующих целей:

- всегда побеждать в споре;
- всегда иметь, что ответить в соцсети;
- превосходить модернистов в популярности;
- успешно бороться за позиции в Церковном управлении.
- У нас нет даже цели создавать новое антимодернистское православное богословие.

Всё это ложные задачи, которые, к тому же, неисполнимы. Идеологов отродясь никому не удалось победить в споре. Поэтому нас с такой уверенностью отправляют к модернистам: «Пойдите и обсудите ваши недоумения с профессором Осиповым», «Обличите о. Павла Островского сначала один на один».

Значит, мы пришли к тому, что есть внутренняя борьба за веру, внутреннее искусство несогласия с ложью, искусство различать гностическое смещение и отвращаться от него. И есть борьба внешняя.

Борьба внутренняя и внешняя равнозначны по своему результату: «Течение совершил, веру сохранил». И результат их один и тот же: познание своего времени, в нашем случае: времени Отступления от Бога, а не изменение хода истории.

Антимодернисты прошлого, настоящего и будущего – не те, кто творит в Церкви великие дела. Предоставим эти мечты модернистам, но не отдадим им нашего единственного преимущества: видеть контуры настоящего.

Контуры настоящего

Не надо заглядывать в будущее. Это не нужно было прежде, не надо делать этого и сейчас. Прогноз непогоды не понадобится никогда, и мы, поколение 60-летних, это уже знаем.

Не надо пытаться рассмотреть логику распада. Ее нет. Духовную жизнь от духовной смерти отделяет мгновение, а не процесс.

Но и контуры настоящего различить непросто. Надо учиться этому, обращаясь к происходящему с интересом и вниманием.

Мы уже можем кое-что различить во мраке явлений, кое о чем составить понятие. Это понятие и есть СМЕРТЬ ИДЕОЛОГИЙ, СМЕРТЬ МОДЕРНИЗМА.

Поэтому, наверно, неслучайно некоторые гностики не создали массовых идеологий. Складывается впечатление, что Достоевский и Ницше (и менее значительная, но характерная пара: Бодлер и Кьеркегор) до конца не сыграли свою роль. Как национал-социализм был примитивизацией ницшеанства, так и православный модернизм воплощает в себе достоевщину, но лишь отчасти, в упрощенном и ослабленном виде.

На смену модернизму, как идеологии, идет не *что*, а *кто*, не новая идеология, а идеологи без идеологий.

Все это говорит нам о том, что православный образ жизни остается верным ответом и в новую эпоху.

Христианин предстоит пред Христом, и поэтому лично противостоит тому, кто предстоит не пред Христом, а перед самим собой.

Список литературы

- [1] *св. Игнатий (Брянчанинов)*. Письмо 548. О правильной молитве, положении Церкви монашества. 14 февраля 1865 г. // *Собрание писем*. М. - СПб.: Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 1995. С. 769–770.
- [2] *блж. Августин*. О Граде Божием. // *Творения*. Киев, 1910. Ч. 6.
- [3] *Вершилло, Роман*. Универсальный беспорядок: Богословский модернизм вступает в стадию «Ортодоксии» [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/universal-disorder/> (дата обращения: 15.04.2024).